

ПРОЖЕКТОР

№ 28 (198). 14 июля 1929 года. № 28 (198).

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ.

А. П. Чехов с сестрой и братом.

Редкий снимок.

С Л Е П Н И И.

«Критики похожи на слепней, которые мешают лошади пахать землю. Лошадь работает, все мускулы натянуты, как струны на контрабасе, а тут на круп садится слепень и щекочет и жужжит... Я двадцать пять лет читаю критики на мои рассказы, и ни одного ценного указания не помню, ни одного доброго совета не слышу, только однажды Скабичевский произвел на меня впечатление: он написал, что я умру в пьяном виде под забором». Так уже признанным писателем жаловался на критику Чехов. Его первые творческие шаги не были поддержаны критикой, не она, а читатели оценили те новеллы Антоши Чехонте, о которых один современник сказал, что «на газетных листах маленькие рассказы Чехов засверкали, как рассыпанные на бархате драгоценные алмазы».

«Не расцвет, увядаете. Очень жаль. Нельзя ведь писать без критического отношения к делу», — слышал Чехов гневный редакторский окрик, раздавшийся в «почтовом ящике» «Стрекозы». Не успела «Стрекоза» напечатать трех вещишек Чехова, а уже утверждала, что Чехов «не расцвет, увядает!»

Та же «Стрекоза» отзывалась о нем так: «несколько строк не искупают непроходимо пустого словотолчения».

Да что «Стрекоза», когда «сам» Н. К. Михайловский писал о Чехове, как о «даром пропадающем таланте». И утверждал, что у Чехова нет той связи с читателем, которая есть даже у Лейкина. «Г. Чехов пописывает, а читатель его почитывает. Чехов и сам не живет в своих произведениях, а так себе гуляет мимо жизни, и гуляючи, ухватит то одно, то другое».

На Чехова «произвел впечатление» все же не Михайловский, а Скабичевский. Скабичевский, действительно, предсказал Чехову смерть под забором. Это он говорил, что автор «Пестрых рассказов» принадлежит к числу «газетных клоунов», соблазнившихся легким заработком в 400—500 рублей в месяц и обратившихся в «легковесных барабанщиков». «Сперва газетным работникам сопутствует успех, — уверял Скабичевский, но переутомление берет свое и газетный писатель начинает повторяться, теряет популярность, и дело кончается тем, что он обращается в выжатый лимон, и подобно выжатому лимону ему приходится в полном забвении умирать где-нибудь под забором, считая себя вполне счастливым, если товарищи пристроят его на счет литературного фонда в одну из городских больниц».

Это указание Чехов имел право с полным основанием отнести и на свой счет, так как вслед за цитированной выше фразой Скабичевский следующий абзац своей рецензии начал так: «вот и г. Чехов, — как жалко, что при первом же своем появлении на литературном поприще он сразу записался в цех газетных клоунов».

Об этих же «Пестрых рассказах» другой рецензент, некий Змиев в журнале «Новь» за 1886 г. писал: «такие рассказы, как «Разговор с собакой», «Егерь», «Сонная одурь», «Кухарка женится», «Репетитор», «Надеждащие меры» и многие другие, похожи скорее на полубред какой-то или болтовню об ужаснейшем вздоре, нежели на маломальский отчетливый изложение осмысленной фавулы».

И через десять лет Чехов продолжал читать о себе такие же отзывы. В ноябре 1887 г. в московском театре Корша был впервые сыгран «Иванов». На следующий же день в «Русском Курьере» была напечатана рецензия критика, скрывшегося под французскими буквами «Ph», где чеховская пьеса включалась в ряд тех произведений русской литературы, которые образуют период «психопатического творчества или авторской невменяемости». «Какое грубое незнание психологии, какое беспардоннейшее глумление над человеческую природу», — негодуя восклицал этот Ph. Оказывается, что Чехов «соблазнился лаврами Шпажинского и Крылова», «алчная тупость» толкает «Чехова и ему подобных» братья за перо; «отсюда наводнение сцены бессмысленной, подражательной чепухой, и чепухой, нарушающей всякий здравый смысл, но выдаваемой в тупейшем, курьезнейшем самонимии за оригинальную». Такие пьесы, как «Иванов» — это «ни более ни менее, как недозрелые плоды противозаконного сожительства авторской невменяемости и самого тупого расчета» («Русский Курьер», 1887 г., № 325).

Небезызвестный П. Кичеев дал отзыв еще более резкий. Он даже утверждал, что, «по некоторым данным», лично ему известным, он, «говоря

откровенно» и «не ждал от пьесы г. Антоша Чехова чего-либо особенно хорошего». «Но никогда мы не подозревали, чтобы человек молодой, человек с высшим университетским образованием, рискнул преподнести публике такую нагло-циническую путаницу понятий, какую преподнес ей г. Чехов в своем «Иванове», обозвав эту сумбурищину комедией в 4 действиях и 5 картинах».

И еще — после «вольного» изложения содержания «своими словами»: «И вот такую-то циническую дребедень подносит публике г. Чехов, и находится неразборчивая и утратившая всякое чутье к правде публика, которая не только терпеливо смотрит на всю эту дребедень, платя за нее деньги по возвышенному бенсфисным ценам, но и рукоплещет этой дребедени и, хотя при громком шиканьи, вызывает по пяти раз к ряду автора ее».

Но не только «Московский Листок», постоянным сотрудником которого был П. Кичеев, занимал определенно враждебную позицию в отношении Чехова, — юмористический журнальчик «Развлечение», где когда-то печатались маленькие рассказы Антоши Чехонте, поместил в № 36 за 1887 г. сказочку «Аристарха Премудрова» под заглавием «Тенденциозный Антон». Это именно о ней говорит Чехов в своем письме к брату Александру, что «в «Развлечении» появились литературные враги. Кто-то напечатал стихотворенье «Тенденциозный Антон», где я назван ветеринарным врачом, хотя никогда не имел чести лечить автора». Чехов оговорился — «Тенденциозный Антон» не стихи, а проза, пародирующая стиль сказочек для маленьких детей. Вот ее полный текст (публикуется впервые):

«Антон был ветеринарным врачом, но этого ему показалось мало, и он сделался писателем. Он написал рассказ и послал его в журнал «Щепки». Рассказ был плох, но тенденциозен, и «Щепки» напечатали его, потому что были тоже тенденциозны, хотя были тоже плохи. Антон обрадовался и стал писать. Он писал много, и хотя в его писании было мало толку, но была тенденция, и его писания печатали. Антон гордился, писал, писал, писал. «Врач, — говорили ему друзья, — исцелился сам, оставь поучать других». Но Антон не слушал и писал, поучая... Все больше и больше было тенденции в его писании и все менее и менее смысла. «Щепки» перестали его понимать, редактор газеты «Двухспальная простыня» сошел с ума, отыскивая смысл в писаниях Антоша, а он все писал и дописался до того, что стал печатать свои тенденциозные рассказы в газете «Петербургская мелкая лавочка», а про свои обязанности ветеринара забыл и уже не мог быть им.

Дети, не будьте тенденциозны, а иначе вас будут печатать в газете «Петербургская мелочная лавочка».

Намеки были слишком не двухспальными, чтобы Чехов их не понял. Аристарх Премудров «намекал» и на то, что Антон был врачом и на то, что он печатался в «Щепках» — т.-е. «Осколках». Петербургская же «мелочная лавочка» — это, конечно, «Петербургская Газета», где сотрудничал Чехов. Но Чехов не знал, кто скрывался за псевдонимом «Аристарха Премудрова»: это был А. М. Пазухин.

Памятная катастрофа с «Чайкой» на первом ее представлении в петербургском Александринском театре в 1896 г. Газетные рецензии представляли собой, в сущности, букет самой настоящей брани по адресу Чехова. Но в этом отношении всех превзошел покойный рецензент Селиванов, который в газете «Новости» писал: «я не знаю, не помню, когда г. Чехов стал большим талантом, но для меня, несомненно, что произведен он в этот литературный чин заведомо фальшиво. Когда говорят, например, о Короленко, то вспоминают, что он написал «Сон Макара», «Лес шумит» и проч. При имени же Чехова никто ничего не может назвать» (Чехов был к тому времени уже автором «Степи», «Именин», «Огней», «Иванова». Примеч. Ю. С.).

О самой же «Чайке» Селиванов говорил, что она «производит впечатление какой-то творческой беспомощности, литературное бессилие лягушки раздуться в вола. Вы чувствуете и сознаете, что автор что-то хочет, что именно, он сам не знает, но решительно не может совершить. И все эти усилия, все это напряжение маленького-маленького творчества

ЧЕХОВ НА ЗАПАДЕ.

Sonnabend, den 25. Februar 1928
100. Anrechts-Vorstellung Farbe: Gelb

Uraufführung! Der unnütze Mensch Platonoff

Schauspiel in 4 Akten (5 Bildern) von Anton Tschehoff
Aus dem Russischen in Deutsche übertragen von René Füllöp-Miller
Spielleitung: Helmuth Ebbs — Bühnenbilder: Hans Blanke

Personen:

Anna Petrowna Wojnizewa, Witwe des Generals Wojnizeff	Dorothea Neff
Sergej Pawlowitsch Wojnizeff, ihr Stiefsohn	Konrad Wagner
Sofja Jegorowna, dessen Frau	Lilly Holt
Michail Wassiljewitsch Platonoff	Friedrich Domin
Oberst Iwan Iwanowitsch Triletzki	Hans Episkamp
Doktor Nikolej Iwanowitsch Triletzki, Arzt	Karl Ferber
Alexandra Iwanowna, Platonoffs Gattin	Kaete Foerder
Abram Abramowitsch Wengerowitsch, ein jüdischer Geldmann	Herm. Wedding
Isak Abramowitsch Wengerowitsch, dessen Sohn	Bernhard Minetti
Glagoleff, ein reicher alter Herr	Paul von Gallas
Glagoleff, dessen Sohn	Richard Tomaselli
Lisa	Zoe Zanolli
Vera	Charlotte Jacoby
Petrin	Paul Felix
Brogoff	Walter Bluhm
Marja Jefimowna Grekowa, ein junges Mädchen aus der Nachbarschaft	Liselotte Fisdler
Ossip, eine dunkle Existenz	Walter Richter
Jakob	Werner Siegert
Wassili	Ernst Ebeling
Katja, Zofe bei Wojnizeff	Ju Grosch
Marko, Gerichtsdiener	Wilhelm Dammann

Spielwart: Curt Seifert

Pause nach dem 2. Akt (3 Bild)

Nach Beginn der Bilder ist Eintritt nicht gestattet

Kassenöffnung 18,45 (6,45) Uhr
Anfang 19,15 (7,15) Uhr Ende 22,15 (10,15) Uhr

Имя Чехова в последние годы все чаще встречается на афишах заграничных театров. Чехов-драматург становится популярным не только в Европе, но и в Америке, и в Японии, где некоторые из чеховских пьес, например, «Три сестры» были поставлены по мизансценам Художественного театра с тщательным соблюдением всех деталей московской постановки. Эта же пьеса недавно была с большим успехом поставлена в Париже в известной театральной антрепризе Питоэва. Интерес к чеховской драматургии за границей настолько велик, что распространяется даже на второстепенные сценические произведения Чехова, в роде юношеской пьесы без заглавия, которая была опубликована Центроархивом в 1923 году. В истекшем сезоне эта 4-актная пьеса была поставлена в драматическом театре гор. Гера (Германия) под названием «Лишний человек Платонов». Немедленная печать, отмечая недостатки этой юношеской пьесы Чехова, в то же время указывает, что и в ней проявляются уже яркие блестики чеховского таланта. На снимке — программа постановки пьесы Чехова «Лишний человек Платонов» в гор. Гера.

брани по адресу Чехова. Но в этом отношении всех превзошел покойный рецензент Селиванов, который в газете «Новости» писал: «я не знаю, не помню, когда г. Чехов стал большим талантом, но для меня, несомненно, что произведен он в этот литературный чин заведомо фальшиво. Когда говорят, например, о Короленко, то вспоминают, что он написал «Сон Макара», «Лес шумит» и проч. При имени же Чехова никто ничего не может назвать» (Чехов был к тому времени уже автором «Степи», «Именин», «Огней», «Иванова». Примеч. Ю. С.).

О самой же «Чайке» Селиванов говорил, что она «производит впечатление какой-то творческой беспомощности, литературное бессилие лягушки раздуться в вола. Вы чувствуете и сознаете, что автор что-то хочет, что именно, он сам не знает, но решительно не может совершить. И все эти усилия, все это напряжение маленького-маленького творчества

ЧЕХОВ НА ЗАПАДЕ.

кажутся жалкими до болезненности; от всех нелепостей, неестественности, выдуманности драмы веет чем-то, несомненно, болезненным. Со всех точек зрения — идейной, литературной и сценической — пьеса г. Чехова даже не плоха, не неудачна, а совершенно нелепа, вымучена, и зачастую дает такие результаты, которых, быть может, вовсе и не имел в виду автор... В сущности между всеми действующими лицами драмы есть одна главная преобладающая связь — разврат».

Знаменитый нововременский «палач» В. Буренин напечатал оскорбительно-злую пародию на «Три сестры», при чем — и это самое замечательное — руководитель «Нового Времени» А. С. Суворин, еще так недавно связанный с Чеховым самыми близкими отношениями, не протестовал против появления буренинского фельетона.

Буренин назвал «Три сестры» так: «Девять сестер и ни одного жениха» или «Вот так бедлам в Чухломе». Чеховские «сестры» получили в пародии имена: Муры, Дуры и Ахинеи.

... Читая подобные «пародии», не вправе ли был Чехов сказать в своем письме к жене, что он «совсем бросает театр, никогда больше для театра писать не будет. Для театра можно писать в Германии, в Швеции, даже в Испании, но не в России, где театральных авторов не уважают, лягают их копытами и не прощают им успеха и неуспеха».

А как издевался «Орест Ядовидкин» в «Ежемесячных сочинениях И. Ясинского» над чеховским рассказом «Ночью». Тема рассказа — гнусная сделка между пастором и богатым пассажиром океанского парохода (пастор продает свою первую ночь с новобрачной женой), — эта трагическая тема переключилась в такую пародию:

БАЛЛАДА.

(После прочтения в «Северных Цветах» рассказа Антона Чехова).

Я ножом, я ножом перочинным
Прорубил в доме каменном щель,
Окрыленный желаньем невинным,
Новобрачных увидеть постель.

Отгремели вечерние звуки,
Отгорели Гальгрена огни,
Новобрачных сплетаются руки.
Но смутились внезапно они.

«Милый! — шепчет она. — Штука-туркой

В спальне нашей запачкан весь пол,
Бросил кто-то четыре окурка
На туалетный мой стол!».

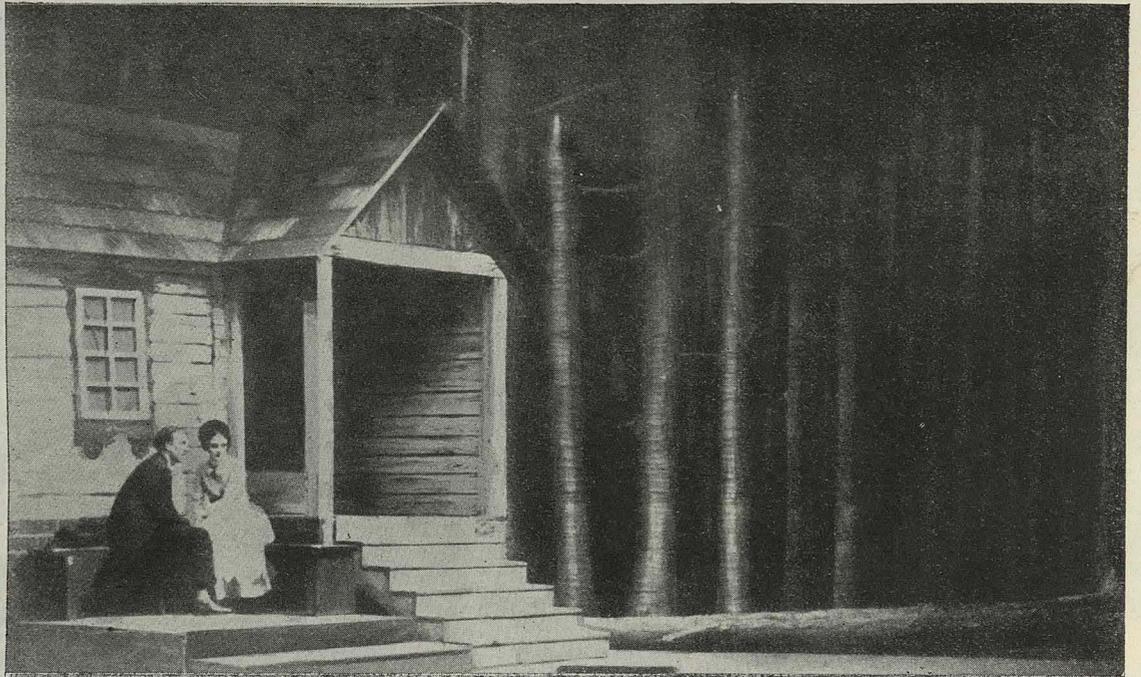
Поднялась катавасия в спальней,
И был дворник с метлой приведен —
И узнал: — «Это наш гениальный,
Наш писатель, наш Чехов, Антон!».

Как по лестнице вниз я спускался,
Я сконфужен был правду сказать;
Новобрачный ужасно ругался,
Новобрачная стала рыдать.

Это было напечатано в 1901 году, а еще в 1893 г. Чехов недоуменно говорил в письме к А. С. Суворину о «ненависти, животной, ненасытной злобе», которой полны писания критиков и рецензентов.

«Зачем Скабичевский ругается? — спрашивал он. — Зачем этот тон, точно он судит не о художниках и писателях, а об арестантах?».

То, что мы здесь процитировали из старых газетных и журнальных рецензий, полностью подтверждает чеховские слова, что в его время о художниках и писателях судили так, как можно судить лишь об арестантах.

На снимках картины из пьесы Чехова «Лишний человек Платонов» в драматическом театре в германском городе Гера. Постановка «Лишнего человека Платонова» имела крупный успех. Театральная критика отметила прекрасную игру Фридриха Домина, исполнителя главной роли. Фото с постановки показывают, что режиссуре спектакля удалось избежать «развесистой клюквы». В мизансценах и декорациях чувствуется внимательное и культурное отношение к чеховской пьесе.